

Дворянин. Книга 1. Часть 1

Автор:

[Юрий Москаленко](#)

Дворянин. Книга 1. Часть 1

Юрий Москаленко

Константин Беличенко

Куда вас сударь... #1

Попав в тело молодого дворянина перед Крымской войной, наш соотечественник хочет помочь не только стране, но и немного себе комфортно устроиться на новом месте. Но по мере знакомства с действительностью 19 века он понимает, что Российская Империя действительно нуждается в больших переменах, как внешних, так и внутренних...

Юрий Москаленко, Константин Беличенко

Дворянин. Книга 1. Часть 1

Глава 1

Холодно. Да, зима в этом году выдалась холоднее, чем обычно бывает в это время. А ещё этот крайне противный ветер поднялся сегодня и несёт снежинки в лицо. Посильнее кутаюсь в свою куртку, надвигаю плотнее капюшон, чтобы выглядывали только одни глаза. Иду осторожно, стараясь не поскользнуться на свежавыпавшем снегу. Поэтому бреду медленно по тротуару и стараюсь повнимательнее смотреть под ноги. Да, зрение стало уже не то, да и реакция,

если признаться, тоже. Года постепенно всё же берут своё. Как-никак, а уже 55 год пошёл. Дойти же до моего подъезда в доме осталось какой-то десяток метров.

- Поберегись! – слышу откуда-то сверху.

Пытаюсь понять, что же происходит. Поднимаю и поворачиваю голову в сторону крика. Всё, что успел заметить и запомнить – это огромная сосулька, летящая на меня с крыши дома. А дальше полная темнота.

Очнулся и ничего не увидел. Только носом сразу уловил сильный запах гари, как будто кто-то коробок спичек спалил рядом. По моим первым ощущениям, я нахожусь сидя за столом, завалившись на левый бок. Что-то мокрое и липкое залило мою правую щеку и шею. Левая рука на столе прижата телом, а правая просто свисает вниз. Пытаюсь пошевелиться. Сознание тут же закружилась, а острая боль стала отдавать в правую сторону головы. Превозмогая себя, тянусь правой рукой и дотронулся до виска. Потом стал ощупывать пальцами дальше. Нашупал кровоточащее рассечение выше уха. Та-ак, теперь понятно, что это за жидкость. Тут же зажал рану рукой. Чуть приподнялся и левой рукой начал искать на столе, что бы такое приложить к ране, а потом уже перевязать.

Начинаю аккуратно шарить рукой вокруг. Какие-то бумаги, блюдце с чем-то, чашка, монеты, и перо. Перо.... какое, на хрен, перо? Ладно, потом разберёмся. Сейчас себя спасать надо.

Потихоньку опускаюсь на колени, чтобы не упасть. Состояние ещё то. Опять ощупываю рукой вокруг. Слабость во всем теле мешает делать это нормально. Вместо этого хочется растянуться на полу и больше не вставать. Рука натывается на непонятный предмет, который отодвигаю в сторону и медленно ползу на коленях, наклонив голову на левый бок. Тут же натываюсь на деревянную панель. Чуть рукой вверх и нащупываю какую-то тряпку. Тяну её на себя и сразу прикладываю к ране. Нужно срочно остановить кровотечение. Тряпка длинная, поэтому я пытаюсь накрутить чалму.

Теперь мне нужен хоть какой-то свет. Ползу на коленях дальше и ощупывая по пути всё рукой, как слепой. Так, похоже, что это дверь. Пытаюсь открыть. Не поддаётся. Вверх. Натываюсь на огромную ручку, потом большую задвижку и с трудом отодвигаю её. Открываю дверь и тут же вываливаюсь в коридор.

Маленький лучик света из мизерного окна, расположенного очень высоко, освещает убогую обстановку вокруг.

– Да куда же это меня занесло? – цежу сквозь зубы. Как ни странно, злость придаёт мне силы. Я карабкаюсь вверх по двери, и медленно встаю. Понимаю, что действовать надо быстрее, несмотря на мою боль, пока адреналин и злость придают мне силы. Держась за стенку, медленно иду к лестнице, которая почему-то поднимается вверх. Как хромая собака, перебираю двумя ногами и левой рукой, поднимаюсь по узенькой и крутой лестнице.

– Помогите – прошу я, почти выбравшись на другой этаж, где тоже почему-то полумрак. Увидел вдалеке только сапоги, тут же зову сиплым голосом их обладателя.

– Ой! Голубчик, что с Вами произошло? Как же так, Митрий Иваныч – услышал я голос. И парень на мой взгляд лет 25 с киношным пробором в волосах кинулся ко мне.

– Где тут у вас душ и аптечка? – спрашиваю непонятого парня. Перовое моё правило, оказывай помощь себе сам, пока можешь, а то врачей можешь и не дожидаться.

Парень, помогавший мне подняться, вылупился на меня, как на привидение. Теперь уже я уставился на него. Что такое? Я же ничего такого необычного и не сказал и не попросил. Или тут всё это платно? И вообще сам парень мне не нравится. Внешне, во всяком случае, это точно. В какой-то косоворотке или как там эта рубаха называется. Сверху рубахи жилетка, штаны-шаровары, заправленные в большие и несуразные растоптанные сапоги. Что за старорусский маскарад? Слышал, что сейчас модно всякие розыгрыши устраивать, но не до такой же степени, что чуть не убили. Может меня в какое-то шоу без моего согласия засунули? Или для массовки, или это розыгрыш с реал-шоу?

– Ну, хоть вода, зеркало и аспирин у вас есть? – спрашиваю остолбеневшего парня. Я что – такой страшный? Какого...он застыл, когда мне срочно помощь оказывать надо.

– Пойдёмте. Я Вас-с на кухарню сведу-с – опомнился «спаситель».

Задолбал со своим старорусским. Лучше бы он тогда стакан красного вина предложил. (В дальнейшем, с, словосочетания и выражения старорусского будут опускаться – примечание автора.)

С его помощью добрался до кухни. И тут произошло сразу два события одновременно. Сначала я от увиденного выпучил глаза. Затем заголосила плотная тётка в каком-то балахоне, подпоясанная передником не первой свежести.

– Ой, барин, что с вами? Ой, боженьки, боженьки – вскинула она руки и прижала их к огромной груди.

– Упал. Воды – что-то мне совсем стало нехорошо, только и мог произнести я, заваливаясь назад.

Меня подхватили под руки и потащили на двор через открытую вторую дверь в кухню. Там посадили на скамейку, прислонив к стене. Кругом зелёная трава и полураспустившиеся листья на деревьях.

– Проща, подь сюды. А ну неси бадью с водой. Спиридон, а ты барину морсу неси – начала распорядиться дородная тётка.

Насколько я помню, была холодная зима с сильным ветром. А сейчас, похоже, что весна. Почему-то пришло именно это мне в голову. Стоп. Рассматриваю свои руки. И руки и не мои, а какого-то молодого парня, с довольно нежной кожей. Всё «страннее и страннее», так вроде было у Алисы или не так? Меня что в кроличью нору из научно-популярных фильмов с Фриманом засунул? Та-ак. Надо пока больше молчать. Буду больше слушать, пока не разберусь, что же на самом деле случилось? И нужно всего отоспаться само собой.

Тут конопатый пацан лет десяти, в заплатанной во множестве мест и явно ему большой рубаше серо-буро-малинового цвета, пыжась от натуги, притащил деревянное ведро с водой. Дальше «моя батарейка» у меня села. Меня как куклу помыли и наложили на рану какую-то вонючую мазь. Перевязали уже более качественно и отвели в комнату. Впереди шёл Проща со свечой. Я уставился на неё, с трудом переставляя ноги. Только она и не давала мне впасть в забытье и добрести в сознании до моей комнаты. В комнате меня уложили, и я тут же

уснул.

Проснулся от того, что хочу в туалет. Тут же находился и Прошка. Сидел на стуле и болтал босыми ногами. Чёрт. Как тут туалет хоть называется? Толи сортир, толи отхожее место?

Свет в малюсенькую комнату попадал из такого же маленького открытого окна с решёткой под самым потолком. От этого комнатка была погружена в полумрак. Кроме стола, двух стульев и лежанки, на которой я лежал, больше ничего и не было. Не богато, однако.

- Прошка помоги. Я в отхожее место хочу - произнес я.

С его помощью доковылял до туалета, типа сортир, во дворе. Туалет был сколочен из тонких брёвнышек и крыт охапкой камыша. Экзотика мать его так...которая даже в двадцатом веке в наших деревнях встречается. Бумаги, конечно, не было, зато был мох. Потом было принятие водных процедур с золой и отварами трав. Так как мыло, понятное дело, я тоже не обнаружил. Наконец, рассмотрел и себя в ведре с водой из колодца. Там в отражении обнаружил молодого человека лет двадцати с длинными слегка волнистыми тёмными волосами. Нос с горбинкой, широкие скулы с худыми щеками и тяжёлый волевой подбородок. Цвет глаз не разобрал. Скорее серые, чем голубые. Да, не красавец...но и явно отталкивающее впечатление мое лицо тоже не производит. Что-то среднее. Но если подстричься и чуть щеки «наесть», то будет и ничего. Ну, хоть не конопатый, как Прошка. М...да. Но за скидку на тридцать с лишним лет и не такое вытерпеть можно.

Потом мне Клава, это помощница повара и та полная тётка, которую я уже видел, наложила новую повязку. Это уже я попросил. Использовали оставшийся кусок моей простыни. Намазали свежую мазь, наконец, сообразил, что она пахнет смолой и дёгтем. На мой взгляд, ничего особо страшного и нет, так, длинная глубокая царапина. Вот только от чего мой клиент «кони двинул», мне не понятно.

Есть захотелось невероятно. Пересилив себя, пошёл разбираться, кто я и что я? И почему у меня такая рана на голове? А, заодно, куда же это меня всё же занесло?

Первое, что я обнаружил на столе это письмо какой-то Оленьки Баженовой, так...так. После долгих попыток разобраться в этом, явно любовном письме, вот же блин пишут, так пишут, с..., я наконец-то, уловил суть. В общем, моему «коллеге» отказали...совсем. И удачи в этом деле ему уже не видать. Девушка выходит замуж за кого-то другого. Он этого, похоже, не выдержал и решил, скорее всего, свести счеты с жизнью. Дебил, блин. Что? Письмо, датированное 1848 года. Пипец. Вот попал, так попал.

Второе письмо от отца, в котором он лишает своего сына родительского благословения. А вот это уже серьёзно. Почему? А потому что сын не захотел поступать ни в Воронежскую Духовную семинарию, ни в Михайловский кадетский корпус. Жалеет, что так долго, целых семь лет, между прочим, оплачивал учебу и проживание сына в Воронежской губернской мужской гимназии. Пишет, что сын его опозорил семью. Вместо того чтобы учиться, сделать подобающего дворянина карьеру и не позорить родителей, сын надумал жениться и вести праздный образ жизни.

Ну да. Сначала отец отказался и перестал финансировать, потом девушка отказала или наоборот? Вот молодой оболтус и не выдержал. Ишь, какая у него чувствительная душа была. В общем, типичный молодой нигилист этого времени, много и всего желающий, но мало что умеющий. Базаров или как там его...у Тургенева. Или это другой? В общем, не помню я эту школьную муть, но помню что молодые люди маялись дурью...причём много и часть.

Так, теперь кто же я?

В громадном сундуке под кроватью среди немногочисленных вещей нашёл паспорт на серой бумаге. Читаем «по указу его величества государя императора Николая Павловича Самодержавца Всероссийского...ну и так далее, сын дворянина Мальцева Ивана Алексеевича и Мальцевой (урождённой Старокожевой) Дарьи Михайловны наречённый Дмитрием, родился в 1829 году в Валуйском уезде», ну и так далее. Большая размашистая подпись и такая же печать. Какая-то филькина грамота честное слово. В мое время и фантик от конфет солидней смотрится.

Ну-у, уже хоть что-то. Слава богу судьба, не в крепостного крестьянина засунула, а в дворянина. Правда, полностью отверженного семьёй. Ничего, выкручусь. Что-то и как-то да придумаю.

Вторая грамота-свидетельство об окончании Главной губернской гимназии в 1848 году на имя Мальцева Дмитрия Ивановича. И всё, как полагается, с печатью и размашистой подписью.

Похоже, что семейство на образование и жизнь сына не сэкономили. Желали, чтобы он и дальше учился и «выбился в большие люди», а он вон как ответил. Ладно, придётся отдуваться за себя... и за того парня, раз такой подарок.

Ещё бы узнать, что он там изучал? И главное как?

Так. Нашёл спрятанные десять рублей зелененькими ассигнациями по рублю. Наверное, очень большие деньги по этим временам? Припрячем, пусть пока полежат. С остальным потом. А-то вот живот сейчас точно совсем с «ума» сойдёт. Интересно он хоть ел последнее время...или всё переживал?

На столе рассыпанная мелочь. Ну-ка и сколько тут у нас нумизматики? Ого, целых пятьдесят шесть медных копеек. Достаточно увесистые монеты по одной, две и пять медных копеек. Одеваю чистую рубаху с ажурным воротником и матюгаюсь. Ну, кто такое только носит? П... какие-нибудь, не иначе. И сидит на мне как-то неудобно. Да что за ерунда? Снимаю. Подхожу к окну и рассматриваю в чём там дело. Понятно-о с такими-то швами, да ещё и не семерично. Кто же так шьёт, ну кто так шьёт? Стоп. Теперь понятно, почему у них раньше одежда была всегда большего размера. Да в этом времени не то, что швейных машинок, игловок нормальных то не было. Хотя, швейные машинки, по-моему, уже были. После надеваю длинный сзади и короткий спереди несуразный пиджак, да ещё, с вырезами впереди. Умереть – не встать с такого маскарада. Сгребаю в ладонь деньги и иду обедать. При выходе комнату закрыл на замок большим амбарным ключом, что висел около двери на обычной верёвке на деревянном сучке.

Наверху в небольшой столовой или как тут сейчас называется это помещение, находились восемь больших столов и один маленький стол. Хорошо хоть посетителей не было. Ну да, все-то уже на работе. За прилавком стоял Спиридон, хмуро смотрящий на меня.

Если судить, что сейчас 1848 год то ещё и нормально. И вообще, хватит носом крутить, надо воспринимать всё, как есть. Попал, значит попал.

– Что у нас есть, поесть? – сажусь на лавку за большой стол и делаю «морду кирпичом».

– Ши, пирог с рыбой и морс – чуть скривился прилизанный. Похоже, что раньше хозяин этого тела со Спиридоном имел небольшие разногласия. Хотя какие могут быть разногласия? Он дворянин, другой служба.

– Неси – команду строго.

Порции были приличных размеров, и я спокойно наелся. Еда обошлась в смешную стоимость, целых семнадцать копеек и как я понял это ещё довольно дорого. Непривычно.

Когда я расплачивался, то Спиридон предупредил меня, что со мной хочет поговорить хозяин заведения Илья Фёдорович. Сам купец расположился в маленькой комнатке между кухней и столовой. Дородный мужик с окладистой бородой лет за сорок. Одет по меркам двадцать первого века в домашний халат, на что я внутренне улыбнулся. Уж не знаю, как сейчас эта одежда тут называется. Да ко многому мне придётся привыкать. Когда я зашел, он восседал за столом заваленным бумагами, и читал газету.

– Прошу молодой человек – взмахнул он руками и выронил газету. – Что же Вы делаете? Разве так можно, голубчик?

– Не понимаю Вас, Илья Фёдорович. О чём это вы? – прикидываюсь «валенком», пытаюсь подражать старорусскому.

– Ну как же, так можно? – и достаёт из-под стола выдавший виды пистолет времён Карибских пиратов.

Это что за музейный экспонат? Что вот из этого «карамультака» мой реципиент в себя стрелял? Ужас. Где он этого уроды только взял? Местный музей... что ли ограбил? Да лучше бы он... с моста прыгнул. Хотя нет, так бы я с ним местами не поменялся.

– Что Вы на это, батенька, скажете? – хитро прищурился купец.

Я поёрзал на предоставленном мне стуле, устраиваясь удобнее, и спокойно произнёс.

– А давайте вы его у меня купите – и посмотрел на купца.

– Вы конечно шутите? А закон от 1845 года Вам не указ? – и строго посмотрел на меня.

Чёрт его знает, что за закон такой? Надо срочно поинтересоваться, что да как.

– А я никому ничего не скажу. И вам так надёжнее. Вы же полицию не вызывали? – как ни в чём не бывало, отвечаю. Чуть не ляпнул, что и деньги мне нужны. А то бы вообще купец бы копейки за «карамультак» дал.

– Не вызывал. Но, только из уважения к Вам – подключились нотки издевательства в речи купца.

– Ну, вот и хорошо. Так сколько? – стараюсь предать себе позу невинного ангела.

– У Вас через три дня заканчивается срок оплаты в моём доме... – начинает купец.

– Да я помню. Но я уже принял решение... ехать в Москву – перебиваю его.

– Хорошо, только из уважения к Вам. Восемь рублей – Илья Фёдорович.

Ага, с-час, разбежался. А то я не помню, что огнестрельное оружие было очень дорогое. Конечно, я бы и себе иметь пистолет не отказался, но только не такой. Пусть с таким Пушкин с Онегиным на пару бегают, но только не я. Хотя стоп, а ведь это идея! Скоро же Крымская Война начнётся! А наши как всегда. Без нормального оружия, без снаряжения и без патронов. Есть хороший способ неплохо заработать и устроиться тут.

Ага. Осталось дело только за малым. Прикупить металлургический заводик и начать производить оружие. А что? Историю я в основном помню. Тенденции техники развития я тоже неплохо знаю. Холодным оружием у нас каждый нормальный мужик интересуется. С нарезным оружием похуже. Не знаю, как там

нарезы в стволе делают. Но точно помню, что до Крымской войны уже были, но успехом не пользовались. Ничего найдём, кто это знает. А пушки лить я точно не собираюсь. Войну выиграть мне тоже конечно не светит. А вот уменьшить количество потерь русских солдат надо попытаться. Заодно во время войны и денег подкосить. Раньше все так делали. А дворяне.... дворяне пусть о себе сами беспокоятся, раз такие умные.

Всё решено. Буду бабочкой Брэдбери в этой реальности. Нет, она женского рода. Значит, буду жуком Брэдбери. Хренушки. Стану слоном. Нет. Русским медведем и разнесу их европейскую посудную лавку нафиг. Или хотя бы основательно побью дорогую посуду... а «Черного принца» у англичан уведу и всё себе заберу.

– Нет. Больше десяти с полтиной дать никак не могу. И не надо на меня так смотреть – очнулся я от своих размышлений и этих слов купца.

– Согласен – картинно вздыхаю, понимая, что большего достичь вряд ли получится. Ну да, и купцу «навар» тоже ведь поиметь с меня надо. А то какой же он тогда купец. Явно кому-нибудь да загонит.

– Хорошо. Деньги я Вам занесу. Но помните, Вы обещали через три дня съехать – и вопросительно уставился на меня.

– Я же уже сказал, что еду в Москву – успокоил купца, а уходя, прихватил у него газету. Не был бы я дворянином разговор вышел бы по-другому. А так купцу проще, чтобы я убрался и без скандала.

С этими словами я пошёл к себе в полуподвальную комнату. Ужас. Тут весной ничего не видно, а как же тут зимой живут? А когда морозы? Кошмар одно слово. Так вот нежданно – нагадано образовался ближайший план действий. Конечно, в Москву я не поеду, а поеду я в Тулу. Будем ковать оружие победы нашей...тфу-тфу-тфу моей победы над супостатом. А из Воронежа надо сматываться и быстрее, пока знакомые Мальцева не набежали толпой и за «нечистого» меня не приняли.

Та-ак, и что нам пишет сегодняшняя пресса? Кстати, как она называется? Воронежские губернские ведомости. И что за сегодня или вчера, за двенадцатое мая 1848 года в ней пишут? Ну-у, как всегда, ничего интересного. Всё для праздно шатающейся публики и даже... вот удивительно немного рекламы.

Начал полную ревизию доставшегося мне «наследства». Заодно и собираться в дорогу. После вдумчивого рассмотрения пришёл к неутешительному выводу. Всё очень бедненько и никуда не годится. Для праздношатающегося щегла, ещё туда-сюда, но вот для меня и моих планов явно не подходит. Ну а раз так, то пора сделать небольшой променад. Собрал грязную и испачканную одежду и отнёс Спиридону. Он был тут в должности менеджера. Заплатил три копейки за приведение одежды в должный порядок.

Прогулка по Воронежу меня откровенно разочаровала. Помнил, что тут Петр Великий корабли стоил, ну и ожидал... нечто. А оказался заштатный городок этого времени тысяч на тридцать-сорок жителей с двумя, на мой взгляд, более или менее нормальными улицами. Фильмы по Дикий Запад можно снимать без декораций, пронеслось в моей голове. Чёрт, вот же всякая фигня в голову лезет. В конце одной «нормальной» улицы Дворянской и находился доходный дом купца Самохвалова. В нём я и снимал «меблированную» комнату. Вот так. Было бы смешно, если бы не было так грустно. Нашёл почту на углу здания и забронировал билет до Тулы на проходящую почтовую карету. Здесь меня, оказывается, знали и только поэтому и забронировали билет без паспорта. Сейчас путешествовать по России и здесь не так-то и просто. Без паспорта – никуда...хотя это распространяется на все времена. Учтём. Обошлось мне это удовольствие в один рубль двенадцать копеек серебром, то есть четыре рублями ассигнациями. Отправление через два дня.

Дальше прошёлся по промтоварным магазинам. Убогость не только самих магазинов, но и отвратительное качество, и количество товара поражали. У нас в сёлах магазины и то лучше бывают. Было и заграничное, но очень мало и стоило...в общем... «несусветные» деньги. Пришлось раскошелиться на кожаную вализу польского производства. В это время Польша не заграница, но всё равно. Курица не птица, Польша не заграница – так, по-моему, было в СССР? Ну, и тут так. Это «чудо» между саквояжем, чемоданом и коробком, прошитая и сшитая толстыми нитками с внешней стороны, обошлось в два рубля семьдесят две копейки.

Тут меня ждал ещё один сюрприз в разнице между серебряными деньгами и ассигнациями, составляющей один к трем с половиной, но именно серебряными. Вот же тут морока с деньгами. Обратил внимание, что ходит всё. Есть ассигнации, ходят облигации, деньги из драгоценных металлов и не только российских. Русские медные и какие-то металлические «пряжки». Как в этом не запутаться мне пока не понятно. А плюс ещё ходят и разные местные деньги

купцов. Каждый расплачивается, как может или как у него примут. Надо быть крайне осторожным. Я же смотрел по телевизору, что перед Крымской войной была проведена денежная реформа, наверно, в Воронеж не дошла. Или ещё не дошла?

Ещё раз всё внимательно осматриваю. Заодно и начинаю прикидывать, что бы такого начать выпускать, чтобы заработать. Но вот беда. Начинаю понимать, что движения деньги – товар – деньги, тут почти отсутствуют из-за ограниченности и того и другого. Ага, вот поэтому тут так много разных денег и суррогатов и ходит.

Разочарованный, а оттого ещё более уставший и злой, возвращаюсь «домой». Снимаю с головы цилиндр и хотел его зашвырнуть, куда подальше, но вовремя остановился. Тут же пожаловал Самохвалов и отдал мне тридцать пять рублей ассигнациями и пятьдесят копеек медью. Вот такая приятная неожиданность. А когда шёл разговор о продаже, я и не думал, что подразумевается серебряный эквивалент. Впоследствии я узнал, что продажа оружия, подразумевает его продажу за серебро, золото или платину. В общем, и тут купец схитрил.

А следующий день я потратил на мелочные сборы и подготовку к путешествию. Отдохнул. При этом стараюсь лишний раз «не светиться». Отдал распоряжения Спиридону разбудить меня пораньше и лег спать.

Глава 2

Вот я и стою рано утром на почтовой станции, и смотрю на эту «тарантайку», и не решаюсь в неё залезть. Да она же на первом повороте развалится, а тем более с нашими-то дорогами. Вещи уложены на крышу «лимузина», и я, тяжело вздохнув, лезу внутрь. Всё, прощай Воронеж, встречай меня Тула. Поехал знакомиться с Левшой.

Моими попутчиками были двое разодетых как попугаи офицеров разных родов войск, едущих в Москву. Рядом же со мной сидит тучный купец в тёмных серо-синих шароварах, пёстрой красной рубашке и тёмно-зеленой жилетке с часами-луковицей в маленьком кармане на животе и с цепочкой. Часы чуть-чуть высывались из кармашка. Купец следовал в Тулу сделать какой-то свой заказ.

Сначала я хотел познакомиться с офицерами, а заодно, и посмотреть их оружие. У одного был какой-то широкий меч с бронзовой загнутой рукояткой. У второго – рапира, наверно, времён мушкетёров. С витиеватой разукрашенной гардой серебром и чеканкой. Явно трофеем предка с заграничного похода при Александре против французов. Но офицеры так презрительно смотрели на меня, что сразу отбили всякое желание с ними общаться. Сам купец же почему-то робел в их присутствии.

Дорога оказалось х...российская... в полном смысле этого слова. Узкая и неровная, как брошенная гигантская верёвка. В почтовой карете хоть и были установлены рессоры, но функцию свою они явно не выполняли. Наверно, металл плохой поставили или конструкция дурацкая. Хочется выйти и спалить её, чтобы не мучила нормальных людей. Карета внутри узкая для двух пассажиров рядом и крайне неудобная. Купец несколько раз наваливался на меня, когда карета подпрыгивала на ухабах, что не улучшило мне и так испорченного настроения. Остановку делали в Ельце на почтовой станции для смены лошадей. Этот «дилижанс» катил всю ночь, временами останавливаясь для смены лошадей. Ужас, одним словом.

Наконец, на следующий день почти в темноте добрались до Тулы. Отправились искать трактир. Хорошо видны грозно выделяющиеся стены кремля на фоне чуть светлого неба. Нашли двухэтажное здание и ввалились в трактир-гостиницу. Я уже был «сыт по горло» своими попутчиками, дорогой и «тарантасом». Затребовал отдельный недорогой номер, который обошёлся в семьдесят пять копеек. И то потому, что он был маленьким и находился под лестницей. В чём там дело я уже разбираться не стал, а просто попросил меня туда проводить.

Рассмотрел утром действительно крохотную комнатку. Это скорее чулан с топчаном для прислуги. Понял, что меня просто «надули», пользуясь положением, и вообще это не номер трактира. Потом ещё раз дал себе слово при первой же возможности построить себе нормальное жильё и выбрался в холл.

Нормальное в моём понимании умывание превратилось в настоящую пытку. Я чуть со злости не заехал кулаком в нос жуликоватому типу, бегающему по залу. Теперь ясно, почему раньше недостаточно хорошо мылись. Это была ещё та морока в техническом плане. Чуть споласкивали лицо, руки и всё. Только для очень богатых с личными слугами было всё нормально. А это далеко не все себе могут позволить.

Собрал вещи и пошёл искать более гостеприимное место для проживания. А этой гостинице плюнул со злости на крыльцо. Ноги моей здесь никогда не будет. Кстати, как там она называется, «ТрактирЪ» и всё? Теперь понятно почему. Хозяин даже имя своё постеснялся вывесить.

На улице Замочной, наконец, нашёл более или менее нормальную гостиницу. Видно, что недавно построенную. И название нормальное – «Постоялый ДворЪ Замятных». Снял номер небольшой и не слишком дорогой, но вполне уютный. Взял пока на два дня. Дело в том, что снимать комнату у владельцев домов выгоднее, чем в гостиницах и трактирах. Позавтракал в холле, попил чайку из самовара с тульскими пряниками и пошёл осматривать Тулу.

Так как достопримечательности меня в данный момент совсем не сильно интересовали, я пошёл в оружейную слободу через мост. Нет, сначала я попытался посетить казённый оружейный завод. Видно, что его недавно восстанавливали. Меня, естественно, туда не пустили. Потом я бегал по мастерским и частным заводикам, чем привлёк внимание полицейских. Почему их оказалось так много в городе? Но после разговора со становым приставом был отпущен.

К вечеру я, сильно уставший, развалился в холле. Пью чай из большого самовара и подвожу нерадостные итоги похода и разговора с мастерами. В Туле было много чего, но вот нормального боевого массового оружия не было. Вот тебе и город... оружейников. О чём там думают в Санкт-Петербурге, для меня совсем не понятно. Да, было оружие. Но всё можно смело отправлять на выставку и в музеях показывать. О том, что уже армии разрослись до сотен тысяч человек, никто соответственно не думает. Ну и цену на свои штучные изделия мастера выставляют соответствующую тоже. А вот простую хорошую шашку или саблю из нормальной стали не найти. Как и своей готовой хорошей стали тоже. Невыгодно делать сабли по пятнадцать-восемнадцать рублей, а выгодно от пятидесяти рублей и более. Ружья и пистолеты можно как клад в землю зарывать, стоимость почище ацтекского золота. Может я не там искал? Может, я чего-то не понимаю? Зато самоварных цехов и мастерских более двадцати насчитал. Так это я и не везде и был. Они что собираются кипятком врагов заливать? Может, будут их узорами на прикладах ружей зачаровывать? Единственная отрадная вещь, что можно найти в городе почти любое сырьё или заказать купцам. Доставят даже из-за границы, были бы только деньги. Дороговато конечно, но есть. Хотя как будет при массовом производстве, тоже не ясно. На словах они все герои. Да город намного более развитый во всех

отношениях, чем Воронеж. Почти «цивилизация». Вот только с санитарией тут просто беда.

Не знаю, какое там железо варят на Тульском оружейном казённом заводе, но слишком они тут все увлеклись медью и её сплавами. Хотя говорят, что на заводе даже паровые машины есть. А вот нормального своего железа и стали нет. Ну, так же легче или выгоднее?

Второй день тоже был безрадостным. Старый губернатор Муравьев-Амурский уже отбыл. Нового губернатора – Крузенштерна Николая Ивановича на месте не было. Но, скорее всего, меня культурно послали и как можно...подальше. А без него никто меня слушать и не стал. Градоначальник Николай Николаевич Добрынин посоветовал или записаться на приём к начальнику тульского казённого завода генерал-лейтенанту Самсону Герману Романовичу или ехать в Москву. Я и то получил аудиенцию у него случайно. Ага, сейчас, пойду я к генералу на приём. Что я совсем больной? Моё настроение и самомнение падает с каждой минутой.

Вот и сижу, лениво рассматриваю газету – местные губернские ведомости. Вдруг увидел заметку, выставка-ярмарка художественного стекла и фаянса купцов Мальцевых в Москве. Сам Иван Акимович приехал из Санкт-Петербурга, и будет лично представлять экспозицию. Так...так. Он Мальцев, я Мальцев, чем чёрт не шутит, пока бог спит?

Ну вот, от судьбы не убежишь, придётся прокатиться в Москву. Благо, что тут расстояние не шибко большое. Поездка по новому почтовому тракту была более приятна, и мы достаточно быстро докатились до Москвы. Я только выглянул из почтовой кареты в городе и понял, что надо отсюда быстрее уезжать. Мой гардероб явно устарел... лет так на пять. А качество материала на все десять. Так что как мне не хотелось прогуляться и посмотреть Москву 1848 года, лучше отложить это до следующего раза. А посмотреть есть на что. Москва активно строится и перестраивается. Нанял «местного таксиста» и быстро объяснил, кто мне нужен. Попросил отвезти к дому Мальцева на Якиманке. Поездка обошлась в двадцать копеек, дороже обеда. Не зря говорят, Москва – город дорогой. Рассматривая извозчика Москву, поражаюсь господствующей сейчас архитектуре. Особняки дворян в два-три этажа с колоннами, причём каждый этаж от трёх до пяти метров высотой и с огромными окнами. Интересно и как же они зимой в таких живут?

Как я пробивался на приём в такой солидный и огромный дом и сколько ждал, это отдельная песня. И пустили меня только потому, что я показал паспорт на имя Мальцева Дмитрия Ивановича. Вот такое необычное совпадение и счастливое в этот раз для меня.

– Если вы молодой человек добивались встречи, чтобы уверить меня в нашем родстве... То можете не трудиться – такими словами встретил меня хозяин дома. Сам с хорошей такой лысиной на макушке головы, холёным худощавым лицом и с чуть-чуть раскосыми глазами. Одетый в отличный костюм, светлую рубашку и шейный платок с заколкой. Небрежно развалился в кресле и явно показывает своё презрение ко мне.

– Нет. В родственники я к вам набиваться не приехал – чуть усмехнулся я. Сесть мне так никто и не предложил.

– Так что вам угодно сударь? – и потёр подбородок правой рукой, на которой сверкнуло пару перстней с камнями.

– Всего лишь помочь наладить... производство оконного стекла – буду нормально говорить, как я привык. Пусть сами своё с шипят, тоже мне, гуси-лебеди. Раз решил быть слоном или медведем, вот и буду начинать.

– Неожиданно – произнёс хозяин, и поза его чуть изменилась. Слуга в ливрее за моей спиной перестал, наверно, и дышать.

– А какие размеры? – Мальцев переместил указательный и средний пальцы с подбородка на висок.

– А какие вам надо? Но пока из-за несовершенства производства.... Я бы большие стёкла делать не стал бы – выговариваю медленно с расстановкой акцентов и пожимаю плечами.

– Неожиданно. А вы молодой человек не обманываете? И что же вы за это хотите? – после небольшого раздумья изменилась и речь хозяина дома на более уважительное.

– Денег хочу. А дворянину не пристало пятнать себя лжой, да ещё в таких серьёзных делах – усмехаюсь я.

– А если это не секрет, на что вы хотите потратить свои деньги? – Похоже, хозяина стал забавлять наш разговор. Или всё же в нём купец проснулся, или веселится? Ничего, сейчас я его удивлю.

– Хочу наладить выпуск сабель, ножей и пистолей. В общем, заняться оружием – и наклоняю голову и поднимаю брови.

Теперь уже брови хозяина дома поползли вверх от такого моего ответа.

– М...и... вы знаете, из чего состоит стекло? – немного подумав и приняв спокойно-вальяжную позу, спрашивает Иван Акимович.

– Песок, сода, известь, мел, полевой шпат и доломит – даю спокойный ответ, как будто для меня это раз плюнуть.

– Удивили – немного подумал и продолжил – вы, где остановились?

– Только что приехал из Тулы – отвечаю.

– Тогда я приглашаю такого интересного молодого человека погостить у меня. Мне нужно время подумать – перешёл на деловой тон хозяин и тоже убрал с разговора «с».

После слуга проводил меня в комнату для гостей и предупредил, что ужин будет только вечером. Зато удивил его я. Затребовал помыться тёплой водой. Комната оказалась самой лучшей, из тех, что я тут до этого видел. Высокие стены, оклеенные светло-красным материалом с золотистыми цветами. Небольшое окно с разнокалиберными и разной мутности стёклышками. Витражи какие-то, а не оконное стекло подумал я. Большая кровать с ночным медным горшком. Стол. Две пародии на привычные для меня кресла, но уже по конструкции и не стулья. На столе светильник для трёх крупных свечей, но имелась только одна свеча посередине. Графин с водой и стакан-бокал. Ну, а на довесок – двери с двух сторон комнаты.

Примерно через час ввалились два бородатых мужика. Один тащил деревянную лоханку или корыто. Второй, ведро с водой литров на пятнадцать. Возможно и больше. За ними девушка лет двадцати в богатом, но крестьянском наряде. Несла простыню, длинную рубашку и бутылочки с настойками. Я так обрадовался, что почти тут же вытолкал всех их из комнаты. С удовольствием залез в лоханку с водой. Не ванна, конечно, но я и этому был безмятежно рад. Вытерся льняной простыней, плохо впитывающей воду. Потом надел длинную рубашку до щиколоток.

- А тапочек почему-то мне не дали? Хотя, может это и хорошо, с такой-то санитарией - пробурчал себе под нос и пошлёпал босыми ногами до двери. Девушка стояла за дверью и ждала.

- Как тебя зовут? - обратился к ней.

- Дуня, барин - слегка поклонилась девица.

- Вот что Дуня-Дуняша. Зови мужиков, пусть лохань заберут - и тут же развернулся и пошёл к кровати.

Стоило мне только лечь, как глаза сами собой и закрылись. Следующие два дня я провёл, в основном, гуляя во дворе большого и несуразного особняка. Старался обращать больше внимание на жизнь окружающих. Еду мне в комнату приносила Дуняша. Другие обязанности выполнял кряжистый слуга Фёдор из бывших солдат. На третий день, когда я уже весь извёлся, меня позвал Иван Акимович. Встретил он меня всё так же. Сам как будто только с официального приёма в иностранном посольстве. Всё же он больше аристократ, чем купец, подумал я. На этот раз предложил сесть на венский стул с полосатой обивкой подушки и спинки.

- Я обдумал Ваше неожиданное предложение, и оно меня...несколько заинтересовало. Так сколько вы хотите за это? - и уставился на меня.

- Две тысячи серебром - отвечаю спокойно.

- Это слишком...слишком много молодой человек - пренебрежение опять появилось с в его словах.

Ну, к этому я был готов.

– Я готов немного снизить цену. А вы поможете мне с получением разрешения на хранение и производство сабель, ножей и ручного огнестрельного оружия. Возможно, и некоторых других разрешений на производство – делаю встречное предложение.

В результате долгого разговора, переходя на технические детали, мы пришли к согласию. Мне пришлось в общих чертах рассказать о производстве. А куда деваться? Выхода у меня всё равно уже никакого и не осталось. Единственное, что не рассказал, как правильно делать флоат-ванну. Удивил знанием метрической системы, известной Мальцеву. Наконец, договорились. Я помогаю наладить производство оконного стекла с полной сохранением тайны. За это время получаю зарплату в 200 рублей ассигнациями в месяц и не меньше. Вот тут я уже упёрся на цену своих услуг. Мальцев тоже понял, что какой-то козырь по производству стекла остался и у меня. Я же объяснил, что придётся часть вещей заказывать за свой счёт, что так будет удобней и быстрее. Не буду же я за каждой мелочью бегать к нему или к его доверенному лицу.

– Я же дворянин...и не собираюсь отчитываться за каждую копейку по пустякам – высказался я, добавляя холода в голосе.

Решили всё производство организовать в Гусь-Мальцевском. Там с охраной лучше и приезжих почти нет. По окончании первой плавки я получаю тысячу рублей серебром и бумаги на разрешения производства и хранения холодного и ручного огнестрельного оружия.

– А откуда у вас такие знания, Дмитрий Иванович? – вкрадчиво спрашивает меня собеседник – они явно не соответствуют такому молодому человеку. Да и не видно, что бы вы учились за границей.

Сейчас, даже просто грамотных людей, особенно в России очень мало, а технически грамотных вообще единицы. Так что понять интерес Мальцева ко мне можно.

– Я надеюсь, что вы никому не расскажете? – и внимательно посмотрел на хозяина дома. Увидев его кивок головой, продолжил. – Мне стал сниться Ангел. Мы с ним много и долго разговариваем на разные темы. Только очень тяжело. Он

говорит на каком-то малопонятном русском...А я не совсем всё и понимаю. Мне кажется, когда я с ним рядом, то проходит неделя, а может и больше. А когда я просыпаюсь, всего только одна ночь и прошла – собеседник слушает с широко открытыми глазами. Я продолжаю дальше – иногда он подсказывает и учит, что я должен делать. Вот обратиться к вам, например. Но многое я потом забываю – а вот пусть и думает. Спиритизм в это время в моде, как-никак. А так мне легче всего объяснить все свои познания, плюс дополнительная страховка и мне. Всё же деньги на кону немалые. – А часто Ангел и смеётся над нами.

– А это... точно Ангел? – немного опешил от моих слов Мальцев. – А смеётся-то над чем?

– Ну, а зачем нечистому мне помогать? А смеётся, ну...над Ъ в конце слов – опять обескураживаю собеседника.

– А чем ему Ъ не нравится? – не понимает Мальцев. Но, похоже, что именно этот ответ его больше всего убедил, что я действительно общаюсь с Ангелом.

– Я это совсем не понял. Он сказал так: будет много инфо...мации, будут мини. ми-ни. зировать. Так, по-моему – произношу сознательно медленно, как будто пытаюсь правильно вспомнить слова ангела.

– Чудно-о...Хорошо. Завтра придёт стряпчий, и всё оформим. Поедете в Людиново. Там сделаете ваши ролики, ванны и остальное. Оттуда в Гусь-Мальцевский. И я вас, Дмитрий Иванович, очень попрошу, молчите и не рассказывайте о снах. Особенно об Ангеле – немного отошёл от услышанного хозяин дома, перейдя на обычный язык. Понимаю, прибыли светят не шуточные в случае нашего успеха.

Ну вот, опять я на «тарантайке» трясусь, но уже в сторону от Москвы. Карету предоставил Мальцев. В ней со мной едет Новак Анджей Радомирович. Доверенное лицо купца. Больше похожий на запорожского казака, чем на шляхтича. Такой себе тридцатипятилетний степенный пан. На козлах рядом с кучером – Фёдор. То ли мой слуга, то ли охранник и соглядаяй в одном лице. Немногословный кряжистый малый с простоватым лицом, но недюжинной силы. В этом я уже успел убедиться. Явно знаком с оружием и не понаслышке. Двадцатипятилетний вдовец. Его жена умерла при родах. Увы, здесь это не редкость. Это мне поведал Новак, под большим секретом. Ну чтобы я насчёт баб

чего-нибудь такого Федору не ляпнул.

Пока доехали, я всю себе задницу отбил. Хоть и были подушки везде, но меня и мою попу они не спасли. Нет, надо с этим что-то делать. Если нормальный завод, то надо поставить и нормальные рессоры. А то до Гусь-Мальцево или Гусь-Мальцевского я точно не доеду.

Вот почему так, что все наши властьюмушие совсем не заботятся о тех, кто им эти богатства и создаёт? Кроме завода, дома управляющего и церкви, на всё остальное без слёз, смотреть в Людиново было нельзя. Деревня расположилась на берегу водохранилища для завода. Осталось только вздохнуть и оставить свои мысли при себе. А-то ещё не поймут и запишут в какие-нибудь революционеры. Или в декабристы? Оно мне надо? Крепостное право на дворе, как-никак.

Дом управляющего Борисова Степана Евграфовича, стоящий немного в стороне, мне тоже не приглянулся. Какая-то несуразная полтораэтажная большая изба с низкими потолками. Радомировича тут знали хорошо, видать бывал здесь и не один раз. Так что встреча затянулась надолго. Баня, топленная по-чёрному, потом застолье, разговоры и сплетни про Москву и остальное.

Я же, сославшись на усталость, пошёл спать. Как же уснёшь тут? Пришлось делать революцию в отдельно взятой кровати. Убрал громаднейшую перину и кучу подушек на пол. Чай не зима не замёрзну, и только потом завалился спать.

Вставать пришлось ни свет ни заря. Чёртовы петухи, раскукарекались, как ненормальные. Вернее – это они нормальные, а вот я в такую рань вставать не привык. Умывание, опять проблема, чёрт их всех возьми. Пришлось из ведра у колодца...и без мыла. Так точно какую-нибудь гадость подцепишь. И, главное, не заметишь как.

После скромного завтрака пошли на завод. Сначала посмотрел, что тут и как. Действительность оказалась чуть лучше, чем думал. Тут уже даже рельсы делали для Николаевской дороги Санкт-Петербург – Москва. Не так, как я привык, но тем не менее. Слишком много ручного труда на каждой фазе. Если бы крепостные были бы наёмными рабочими, рельсы вышли бы точно золотыми. А так, все мастера и рабочие были крепостными и приписаны к заводу. Даже сам управляющий Борисов. Сами рельсы предварительно уже катали. Но у меня

больше сложилось впечатление, что их больше отковали из чугуна. Но не совсем из чистого чугуна, а с железом. В общем, какой-то сплав. Поэтому и в народе потом дорога получила название – чугушка. А вот форма уже «современная» или почти такая. Не помню я это точно. Но, по-моему, должна быть другая? Или нет? Вообще запутался с этим окончательно. Махнул на это дело рукой и пошёл заниматься своими делами.

Собрание с мастерами началось с казуса. Я, оказывается, не знаю русских мер длины и веса, которые сейчас используются.

– Значит так. Будем делать, как во Франции. Переходим сейчас на их меры. Тем более вес не сильно критичен, в отличие от размеров – хлопнул я ладонью по столу и прекратил дискуссию. – Даёте мне хорошего плотника, а я пока сделаю разметку. А вы потом сделаете из твёрдого металла несколько штук. Потом я сделаю чертёж. Плотник по нему из дерева заготовки. Вы потом всё воплотите из рельсового чугуна.

Дальше я очень долго чертил гусиным пером, матюгаясь, что нет никаких карандашей. Начертил примерно двадцать сантиметров, отдал плотнику и объяснил что делать. Не знаю, правильно или неправильно, но будет так. Тут главное сам принцип. Дай бог, хоть за пару дней и сделают. Всё тут делается...не быстро. Никто, никуда особо не торопиться и не спешит.

Затем начертил чертёж валиков, станины, в которые их устанавливают, и остального, и пошёл в кузню. В ней нашёл кузнеца по тонким работам. Возникла и проблема с металлом и отковкой тонких кусочков. Но справились, и с ним же изготовил четыре современных рыболовных крючка. Пришлось и напильником самому поработать, грузики сделал из свинца. Всё получились не такие изящные, как должно было быть, но ничего – сойдёт. Тут рыбы много и не такая избалованная, как дома.

– Барин, а это зачем? – видя, что я спокойно с ними обращаюсь, да и напильником сам работаю, задали вопрос кузнецы. Пришлось объяснять. Они не очень и поверили.[1 - Рыболовные крючки были известны с давних времён. Но в это время они были размером в палец. На них можно было ловить только крупную рыбу. А бородки, вообще часто отсутствовали.]

– Вот завтра и увидите – забрав свои поделки, пошёл на местный рынок. Понятно, что леску я тут не нашёл. Зато купил у местного мастера по кожаным изделиям два куска прочной тонкой нити метров по шесть, за шесть копеек. Заодно присмотрелся к неплохим местным тканям изо льна. Слуг нет. Всё надо делать самому. Теперь надо найти, кто мне из этого сошьёт одежду. Тут в Людиново, похоже, я застрял надолго. Хорошо, что за «казённый кошт». Так что можно и свои кровные потратить.

– Пётр пойдёшь, завтра по утрени со мной на рыбалку? – спрашиваю сына Борисова, парня лет девяти, за ужином. За столом установилась немая сцена.

– А что вы придумали? – опомнился Новак.

– А пойдёте со мной. Я думаю и вам, тоже будет очень интересно – интригую собеседников.

Чуть рассвело. К водохранилищу от дома управляющего двинулась целая делегация. Я с червями в колотой глиняной миске. Пётр возбужденный и прыгающий вокруг нас. Новак с Борисовым и Фёдор с удилицами. На подходящем месте вырезал две рогатки, поплавки из камыша, всё подготовил и закинул удочки.

– Раньше мы тут только по осени, когда уже прохладно, сетями ловим – поделился со мной Борисов.

– Сетями вы ловите много и крупную, а свежей рыбки хочется сейчас. Да и вон плотву, которую я вижу, не сильно и поймаешь – улыбаюсь я в ответ. – А так и отдых и к столу что-то перепадёт.

Когда поворачивался, увидел недалеко крестьян, наблюдающих за нами. Подходить боятся. Надо признаться – рыбалка удалась! Крупная плотва сантиметров сорок хватала как ненормальная. Попалась даже маленькая щучка. Попробовали все и с немалым азартом.

– Удивили, просто удивили Дмитрий Иванович. Но кто бы мог подумать – восторгались Новак с Борисовым на пару. Пётр же с гордым видом тащил на кукане улов. Фёдор влюблённо удочки. Да уж удочки.... трёхметровые дрючки, вырезание мной вчера из дерева и обструганные ножом.

Пользуясь их хорошим расположением, предлагаю сделать душ. А-то в такую баню я больше не ходок. Пусть сами моются по-чёрному, да и то, не каждый день.

- Это чтобы можно нормально и быстро помыться. И баню топить не надо - объясняю им и получаю добро. Хотя особо мог и не спрашивать.

На заводе плотник справился с заданием. Сделал деревянный метр, деления затёр сажей и покрыл лаком. Мастера задумку оценили быстро, а когда я рассказал, как можно сделать раздвижной метр, радость их от хорошей придумки была неподдельна. Как мало людям надо, чтобы выразить свои эмоции. А-то мастера постоянно с веревочкой с узелками бегали туда-сюда.

Пока они делали измерительные метры, я проставил на чертеже размеры. Объяснил, чего нужно и сколько. Тут легче, все мастера грамотные. Сам же занялся деталями для душа. Вот тут пришлось покрутиться и мне, и кузнецам. Хорошего железа было мало, и никто на это дело мне не дал бы. Усовершенствовать же «на халяву» производство уже я сам не желал. Да и не знаю я, как это делать в больших масштабах.

Часть деталей пришлось делать из ковкого чугуна, больше методом отлива. Таскать всё это - ещё то удовольствие. А приходилось много и самому. А за частью отливок нужно было посылать в Сукремль, там было расположено художественное литьё Мальцевых.

Возни у меня вышло «выше крыши». Получился очень маленький домик в конце участка. Зато с отдельной раздевалкой и чугунной раковиной для умывания и душем. Даже канализацию вывели подальше. Хозяин это новшество оценил неоднозначно. Как бы и нужно, но и без него вполне можно обойтись. В общем, господская блажь. Вот только дворовые крестьяне Борисова начали хмурить брови. Им теперь надо заполнять бочки с водой и лазить по лестнице. Пришлось заняться ручным насосом для колодца...и ничего у меня не получилось. Трубы большого диаметра из чугуна делать не умели. Да и надобности на заводе в этом не было. Поршень выточить тоже проблема. Мощности завода все заняты. А где взять резины для клапанов, я даже не представлял. Спрашивать Борисова с Новаком даже не стал, они бы не поняли такую проблему. Поэтому пошёл другим путем, как все «нормальные» герои...то есть в обход. Сделали под моим руководством «журавля» с ведром на 20 литров, и два человека быстро

наполняли деревянные бочки. Новак почти постоянно ходил со мной и всё замечал. Явно ещё потом и записывает, «промышленный шпион», мать его так.

Со временем нашёл того, кто мне сшил пару костюмов изо льна, полотенец, да ещё и с вышивкой. Подрядил кожевника, у которого я покупал крепкую нить, сделать туфли с медными пряжками, полусапожки и перчатки. Всё это оставляло желать лучшего...но у меня и этого не было. Ну что есть, то есть. Ничего я с этим поделать сейчас не могу. А-то придётся ещё ходить босиком, или не дай бог в лаптях, и всё...тогда точно на себе можно ставить крест и самому ложиться в гроб. Так же приобрёл литовские деревянные башмаки – клумпес вместо тапок – ходить по двору. Этим поступком вызвал неодобрительную реакцию Новака. На этом вся моя наличность и закончилась, осталось меньше рубля. Надеюсь, что скоро получить первую зарплату. Уже почти месяц тут.

Наконец начался процесс производства валиков и станин. Мне рабочие презентовали бронзовый складывающийся метр с узорами, хотя у самих были железные. Приятно, ничего не скажешь. Но я попросил сделать ещё и железный.

В основном следил за правильностью длины, глубины канав проточек по краям и размерами станин. Проследил за изготовлением кривых ручек, щипцов и других деталей по моему чертежу.

Теперь нужно придумать, что же сделать с каретой. Да какая карета! Это дома на картинках она выглядит хорошо, а тут большая собачья будка. Два больших задних и два маленьких передних колеса, и будка, поднятая высоко над землей. Подумал и понял, что ничего сделать с ней я сейчас не могу. Не то, что стали, хорошего железа очень мало, и оно стоит очень дорого. И кто мне даст столько, чтобы сделать из него нормальные рессоры?

В воскресенье были в церкви, куда я больше ходил только для вида. Ходил, когда невозможно было этого избежать. Приходилось идти и стоять, и слушать. Вышли, завёл разговор с Новаком.

– Анджей Радомирович! А не могли бы вы выдать десять рублей. А я, когда получу оплату за месяц от Ивана Акимовича, вам тут же верну – елейным голосом «подкатил» к доверенному лицу Мальцева.

– Ох, какой вы неугомонный молодой человек. Ну, что вы опять придумали? – вздыхает Новак.

– Нам же скоро ехать в Москву? Затем и в Гусь-Мальцевский – констатирую.

Новак приостановился и внимательно посмотрел на меня, ожидая, что я ещё «выкину». Понимаю. Ему я, наверное, уже очень надоел. Везде лезу, смотрю, что-то делаю...или пытаюсь делать. А человек привык к спокойной и размеренной жизни, и никуда не спешит. Тут же приходится бегать за мной, как угорелому. А ведь не пацан, как сын Борисова.

– Хочу я себе подушечку особенную заказать для езды в телеге. А для этого целую телячью шкуру надо – развожу руки и показываю размер.

Деньги я всё-таки получил и отправился на следующий день к знакомому кожевнику. Долго объяснял, какой мне нужен бурдюк с переборкой внутри для прочности, и с пробкой к завязывающейся горловине. А так же проклейкой швов рыбным клеем. Подушка так же должна вставляться в двойные льняные плотные мешочки для крепости, чтобы тело не потело на коже.

Я давно уже получил кличку среди крестьян «чудной хороший барин» и всегда расплачивался за свои причуды, причём явно переплачивая. Мне кожевник пообещал сделать как надо. Плюс два мотка плотных ниток, которые стали неимоверно популярные, сами догадываетесь почему. Договорились за девять рублей – сумасшедшие деньги для крестьянина. Но и выделанная хорошая кожа такого размера, и вся остальная работа стоили недёшево.

Мелочь пошла плотнику на изготовления плетёного короба с ручками для вещей, которых у меня прибавилось. В мою вализу уже все не помещались.

И остался у меня рубль.... на развод.

Прошло тридцать пять дней. Время летит очень быстро, вот и середина лета. Жара в начале июля стоит невероятная, как будто не Подмосковье, а южный берег Крыма. Глотая пыль, докатились до Москвы. Мой надувной матрасик Новак оценил как барскую блажь, и что мне некуда деньги девать. Да ещё такие деньжищи, как выразился он. Ну, наверно, и поэтому в России, так плохо всё развивалось. Помещики и начальственные люди у себя ничего менять не хотели...и не любили. А только тащили понравившееся из-за границы, когда там уже все признают и оценят. Заодно и цену накрутят. Караван же из крестьянских телег двинулся напрямиком в Гусь-Мальцевский, объезжая Москву.

Обычно шумная Москва, в этот раз показалась вымершей. Если простолюдины ещё сновали туда-сюда, то благородных почти не наблюдалось. В этот раз я лучше рассмотрел особняк Мальцевых на Якиманке. Хороший такой домишка, трехэтажный. На мой избалованный взгляд человека 21 века, слишком безликий снаружи и совсем не удобный внутри.

Тут нас и застают три известия. Первая, революции в Европе, которые мне до «лампочки». Вторая, менее приятная, восстание крестьян в Тульской губернии, и ее окрестностях. И самая плохая, третья, начало эпидемии холеры. Она быстро расползается из южных районов империи на север. Дворяне в панике уезжают из городов в имения. Деловая жизнь, и так не демонстрирующая какого-либо внятного движения вперед, окончательно замерла в империи.

Мы тоже не стали испытывать судьбу и решили завтра же отправиться в Гусь-Мальцевский, хотя я надеялся побыть в Москве хоть несколько дней.

На этот раз меня пригласили на ужин, где я познакомился с сыном Иван Акимовича, Сергеем Ивановичем. Сам старший Мальцев сейчас был в Санкт-Петербурге. Сорокалетний Сергей Иванович, ну настоящий полковник его императорского величества с аккуратно подстриженной бородой и усами был проездом в Москве. На отца, кстати, совсем и не похожий. Круглолицый и плотноватый.

За ужином, как в кино. Много свечей на высоких подставках, дающих достаточно света. Лакеи в ливреях и перчатках, снующие туда-сюда. За столом много стеклянной посуды. По-моему, даже слишком. Много крымского вина, что меня удивило. Из еды было много разных паштетов и соусов, салатов и рыбы. Из мяса только котлеты. Была и разная икра, которую кстати кроме меня никто и не ел.

Само собой разговор зашёл и о политике. Ну, я им и выдал. Мол, чем больше они там между собой будут резаться в этой своей Европе, тем нам лучше. Меньше к нам лезть будут. А поддерживать надо самого слабого и по очереди, чтобы дольше между собой воевали. А русским не зевать, а деньги зарабатывать.

– Какие-то вы...крамольные мысли говорите – произнёс полковник. И возникла тишина за столом, даже лакеи замерли.

– Зато, как только они помирятся, тут же объединятся и полезут уже к нам. Пример Наполеона нас так ничему и не научил? – ответил я и уставился на полковника. Нет, явно не отец. Тут с соображалкой похуже.

Дальше ужин прошёл скомкано. Я тут же сбежал в ту же комнату, в которой спал в первое посещение. Эх, аукнется мне моя несдержанность на язык, и скорее всего и не один раз.

Утром получил двести рублей ассигнациями. Пожелание от Сергея Ивановича закончить начатое, отправились в путь. Не знаю, что уж там наплёл Новак младшему Мальцеву, но на прощанье мне были подарены два отреза сукна. Красного английского и тёмно-зеленого голландского, чтобы пошить одежду «соответствующему лицу дворянского происхождения». Ну да, поистаскалась моя «подарочная» одежда от Дмитрия Ивановича Мальцева. Да и была она хороша только для захолустья типа Воронежа. Я это и сам знаю, да поделаться ничего не мог. Как только устроились в карете, тут же отдал долг, сердечно поблагодарив Анджея Радомировича. Ну и напел ему заодно дифирамбов. Мне не трудно, а человеку приятно. Смотришь, и дальше мне мешать не будет.

Заночевать решили около деревни Шатуры, в излучине трёх рек Клязьмы, Прой и Цной. Сначала Новак намеривался заскочить к местному помещику, но я отговорил, заодно и на холеру сослался.

– Жара. Лето. Речки. Красота-то, вокруг какая, вы только посмотрите. Вспомните себя в детстве Анджей Радомирович. Сейчас Фёдор наловит рыбы. Сварим ухи да по рюмашке. Как вы думаете? – обращаюсь к поляку. Ещё, правда, комары, заразы. Но это я уже про себя, тихонечко добавил.

Конюх Авдей, наломал веток и нарезал травы для лежанок. Благо её тут было много и высотой по пояс. Я заготовил дров для костра, а Анджей Радомирович

разжѐг костѐр кресалом. Я бы с такой «техникой» точно бы не справился. Фѐдор, ставший фанатом рыбалки на удочку, не подкачал и наловил отличных линей. Да таких больших и жирных, что дома я и забыл, когда таких вообще видел. Для ухи я выделил необычный чугунный котелок, или скорее чайник с двумя носиками. Такие необычные образцы посуды производил завод Мальцевых в Сукремле, которые мне очень понравились. Вот Борисов и подарил мне пару разного размера. Дополнили уху жареной рыбой на прутиках, пирогами с яйцом и творогом, и уснули рядом с костром.

Ночью я проснулся от какого-то храпа или сопения около моей головы. Оказался наглый ёж, шныряющий вокруг нашей стоянки в поисках пищи. И почему-то, этот гад такой, засевший в засаду около меня. Пришлось веткой откатить этот пыхтящий и сопящий «кактус» подальше от меня. Ёж так возмущенно громко фыркал, что я невольно рассмеялся. Подкинул в костѐр зелёных веток от ели, чтобы дым отпугивал комаров и спокойно заснул до утра.

С утра попили отвару с остатками пирогов и поехали к месту. Чай сейчас, достаточно дорогое удовольствие. Не каждый житель сегодняшней России, его себе может позволить. Но сбор разных трав мне понравился не меньше. Надо будет только добавить разных сушеных ягод. А вот по кофе я скучаю, сильно к нему дома привык. Тут только два раза у Мальцева и пил. И то готовить его не умеют.

Поселение расположилось на берегу реки Гусь, с дополненным искусственным прудом. Надо сказать, селение приятно меня поразило. Это была какая-то другая Россия 19 века. На въезде охрана, но Новака и тут узнали и пропустили. Много кирпичных домов, а не только кирпичная фабрика. Ну а бумагопрядильная фабрика высотой в четыре этажа меня вообще удивила. Выпускают тут нанку, бумажную ткань из грубой пряжи, но это я узнал впоследствии, причѐм разной плотности и вязки. Селение небольшое – тысяч пять, а возможно и меньше. Многие улицы более или менее ровные, только замостить осталось. Жители в рваной одежде не ходят, но лапти присутствуют. Хорошо видна одна деревянная церковь и другая каменная Иоакима и Анны, затем Троицы Живоначальной. Тут мне экскурсоводом «поработал» Новак. Трактиров нет. Чувствуется основательность и порядок. По сравнению с другими увиденными мной в этом времени селениями, порядок больше присущий немцам, чем русским.

Тут же, что называется, попали с корабля на бал. Всё начальство собралось в главной конторе из красного кирпича, обсуждать извечный вопрос. Что делать и как быть из-за эпидемии холеры? Состоялось представление. Моя фамилия, имя и отчество, вызвали неоднозначную реакцию. Но ни я, ни Новак, на эту тему разговор продолжать не захотели. Присутствовали глава селения Шулер, обрусевший немец. Вальберг Альберт Рудольфович, обрусевший скандинав и управляющий бумагопрядильной фабрикой. Филатов Михаил Семенович начальник стекольного производства. Слава богу, хоть попов не было, хотя это и необычно.

В общем, кроме усиления охраны придумать пока ничего не могут. А делать что-то надо. Вот и сидят, пыжятся от усердия.

Приходится брать инициативу в свои руки, иначе загнёмся тут все. Не дай бог, эпидемия и сюда придёт.

– Так, господа, у меня есть предложения – подаю голос, и тут же все оборачиваются на меня.

– Первое. Временно до зимы, но лучше сразу навсегда вынести рынок для приезжих за территорию поселения. Внимательно следить за всеми приезжими и не только одними крестьянами.

– Второе. Построить навесы и использовать, как карантинные зоны, для приезжих. Сейчас лето – не замерзнут. Можно сложить и пару печек.

– Третье. Построить общественные бани. Заставлять мыться крестьян горячей водой не менее 2-3 раз в неделю.

– Четвертое. Наладить выпуск мыла.

– Пятое. Разобрать ветхое жильё и ускорить постройку добротного нового.

– Шестое. Построить и организовать столовые, где будут готовить пищу для наших крепостных. Они там будут её получать или покупать, это уже сами решите. Там вода и пища обязаны, достаточно долго вариться. Воду надо отстаивать, а потом нагревать до появления пузырьков, то есть кипения и

кипятить не менее 5 минут.

– Нам же, господа, надо сделать угольные фильтры для воды. Потом расскажу как. Брать воду только оттуда.

– Седьмое. Вижу, что некоторые записывают, и не спешу – посыпать отхожие места известью. Объяснить крепостным, что после сортира, надо обязательно мыть руки с мылом или содой. И вообще с этим навести железный порядок и строго наказывать за его невыполнение.

– Восьмое. Нужно замостить хотя бы центр города. Следить, чтобы не было грязи. А в других местах засыпать песком или галькой. Сделать отводные канавы.

У всех четверых присутствующих после моего монолога, глаза вылезли из орбит.

– Позвольте. Но вы понимаете, что вы, предлагаете – немного заикаясь от волнения, воскликнул Шулер Александр Карлович, местный глава. Вот видать, кому обязан Гусь-Мальцевский городок имеющемуся тут порядку.

– Всё понимаю – выставляю вперёд ладони перед собравшимся народом. – Даже понимаю, что это будет очень дорого, и что придётся часть крепостных снимать с основной работы. Придётся сокращать и выпуск товаров. Но если это не сделать сейчас, то остальное может уже никому и никогда не понадобится. Тем более сейчас. Товар и покупать-то некому. Дворяне и богатеи попрятались по своим именьям до заморозков.

– Но я...я не могу принять такое ответственное решение. Надо написать Ивану Акимовичу в Санкт-Петербург – неуверенно Шулер.

– Пишите дорогой Александр Карлович, пишите и побыстрее. А пока, давайте хоть рынок вынесем за территорию и мыло сварим. Хоть для себя – быстро соглашаюсь.

Но чувствую, что особо толку не будет. «Клиенты» явно не созрели, и надеются на русский авось. Придётся самому что-то решать. Надавить на них я пока не могу.

Поселились у Шулера в гостевых покоях в доме из красного кирпича. Дом г-образной формы и с остроконечной крышей расположился на берегу пруда. Потом мылись, ужинали, и я больше отмалчивался. У Шулера было трое детей разного возраста, которые не сводили с нас глаз. С разнообразием тут не очень, а тут такое большое событие. Гости. Да ещё не местные.

- Скажите уважаемый Александр Карлович, а у вас лошадь под седло есть - ну надо же мне когда-нибудь начинать учиться ездить верхом.

- Ну не так чтобы хорошая - замялся глава.

- Такая смирная, спокойная лошадка мне и нужна. Я почти не умею ездить верхом - прихожу на помощь хозяину.

На следующее утро в компании с Фёдором, который был на лошади из экипажа, я поехал составлять план местности и подготовить конкретные предложения. Пока составлял, пришлось, и помотаться из-за расположения объектов. В частности больницу надо срочно убирать в другое место. Вот как её можно было так расположить? Заскочил на рынок и договорился, чтобы охотники мне добыли кабана. Потом поехал в гости к Филатову и заказал два стеклянных самовара литров на пять - семь, чем его удивил. Но с условием обязательно прозрачных корпусов, кроме ручек. Самовары обошлись мне по цене семь рублей штука. Но тут возникла заминка. Филатов не знал, как брать с меня деньги. Я его успокоил, пусть берёт. А Иван Акимович, когда приедет, разберётся. И дальше всё по кругу, в пределах городка. От одной фабрики до другой, которые были расположены не очень хорошо. Потом рассмотрел место, где мне надо ставить прокатный стан и познакомился с бригадой возглавляемой Анисимом. Так как распоряжения от Мальцева насчёт цеха уже пришли, отдал им распоряжение, где копать яму под фундамент цеха. Когда мерил, пользовался метром, чем их удивил. Дал на ознакомление с наказом сделать себе точно такие же метры. Проверил другие их инструменты...и тяжело вздохнул. Взял Анисима и опять всё закрутилось с новой силой. Фабрика, завод, кузница. Но тут уж не мне одному это нужно. Мальцев их тут видать, строил крепко, так что всё обещали сделать, как надо.

Набегался, разнервничался, понял, что могу сорваться и поехал на квартиру.

Зато разговор с Катериной Сергеевной хозяйкой дома сложился удивительно легко. Эта чуть полноватая, но всё ещё привлекательная женщина, скорее инстинктами поняла, что стоит меня послушать. Выполнить, вообще-то несложные требования. На следующий день после рыбалки, вызвавшей очередное восхищение у детей, мы с ней делали активированный уголь из берёзовых углей. Кроме команды крепостными, она и сама сначала всё пробовала сделать. Хотя для местных это не новость. Разве что делал я чуть по-другому.

- Чтобы знать - так она выразилась. Уговорил сложить небольшую печь во дворе для наших экспериментов. У них вообще не заметил никакой конструкции. Может во внутренних покоях что есть? Или я что неправильно понял? Задумываться не стал, и так проблем хватает. Сложили самую простую.

Охотники притянули кабана килограмм на двести пятьдесят. У него были неимоверно большие клыки, больше подходящие для льва. А волосатый, ужас. Мы забрали всё сало и заднюю ногу. Остальное отдал охотникам и ещё два рубля. Ох, чувствую, переплатил и даже очень. Но расстались довольные друг другом. Если с активированным углём проблем у нас не возникло, то с мылом пришлось повозиться и не один день. Но результат того стоил. Сделали пахнущее ромашкой, вот только цвет подкачал. На вид, как кусок застывшей грязи. И с консистенцией ещё тоже предстоит основательно поработать. Ну и ладно. Главное что свою функцию оно выполняло.

Периодически я ездил на стройку смотреть, как идут работы по сооружению нового цеха. Пришло письмо от Мальцева, которое меня...откровенно разочаровало. Ведь умный же мужик, по заграницам ездил, а ведёт себя как наш олигарх. Максимальное извлечение прибыли с самыми минимальными затратами. Разрешил перенести рынок, усилить охрану и варить мыло, для пробы...и всё. Зато передал распоряжение выделить дополнительные материалы на храм. Обещал к концу месяца приехать и посмотреть на результат моего труда и вообще с проверкой. После оглашения письма, мне только и осталось, что развести руками.

На церкви у него и строительного материала и мастеров хватает, а на общественную нормальную баню, нет. Храм... его можно и после эпидемии достроить. Беда для меня была и ещё в том, что тут всё принадлежало Мальцевым. Строить капитальное здание, без разрешения Мальцева было категорически запрещено. Была и охрана из бывших солдат, которая не везде и

пускала. Да я и не стремился. Чего я там такого не видел?

Ещё я настоял на выпуске небольшой партии напольной плитки, на кирпичном заводике, мотивируя надобностью в новом цеху. Подумывал и о черепице. Но о ней я мало что знал. А как укладывать её на крышу, я вообще знал только в случайно просмотренном фильме...ещё в прошлой жизни.

Дальше жизнь пошла какая-то уж совсем спокойная. Ходил на рыбалку, ездил на лошади. Бывал на охоте и проверял строительство цеха. Смотрел на лодки и баркасы из Владимира, которые забирали товар и привозили заказанные товары и продукты. Курорт, одним словом. Единственное, омрачали вести с «большой земли», где холера свирепствовала не на шутку. Вымирали целые города, например, такие как Мариуполь, где почти и не осталось жителей. Местные чинуши, всё чаще спрашивали меня, соглашались, тут же крестились...и шли молиться в церкви.

Я же построил с помощью бригады за свой счёт и в их выходные, между прочим, деревянный домик с душевой кабинкой и ведром вместо лейки. Каждый день мылся с мылом. Коротко подстригся и через день брился. Заставлял дворовую девку Софью через день убирать в комнате с водой и мылом. Поставил на разной высоте два стеклянных самовара, очень красивых с разными завитушками и почему-то красными ручками. В одном сделал угольный фильтр, через который фильтровал воду в другой, и только оттуда использовал.

Хозяйка дома, Катерина Сергеевна посмотрев и попробовав воду, захотела заказать такие же. Убедил изменить конструкцию и сделать с несколько большим объёмом.

Пришлось привлекать даже кузнеца. Получившаяся стеклянно-металлическая колонна, со стеклянным краником и разными узорами вызвала восторг даже у меня. Филатов решил сделать для пробы на продажу. Удивительно, но фабрика получила заказы с Владимира и даже более отдалённых городов. А я получил красивый и функциональный подарок, но не больше. Так же не честно...но что тут поделаешь.

Кое-какие результаты принесла и моя деятельность по санитарии. В городе заметно стало чище. Где надо подсыпали песком и галькой, которую собирали дети. Обновили отхожие места и засыпали их известью. За испражнения в

неположенных местах полагалось наказание плёткой, а детям розги. Рынок вынесли за речку, а мост подновили.

Зато мои попытки ограничить контакты с людьми из Владимира, встретили решительный отпор всего руководства Гусь-Мальцева. Поэтому я договорился с отставным по ранению вахмистром Воробьёвым начальником здешней охраны.

– Воробьёв, жить хочешь? – задал я ему вопрос в лоб.

– Барин – замялся бывший служивый.

– А жинка, а дети? – напирал я.

– Так кто ж не хочет? – сообразил, что не просто так я завёл разговор.

– Значит так. Будешь у меня получать мыло, за мой счёт, заметь. И чтобы постоянно мылись, особенно после разговора с другими, не с Гусь-Мальцева.

Дальше я прочел ему целую лекцию. Где, что и как.

– Надеюсь, всё понял? – смотрю на него, прищурив глаза. Кивает головой. Продолжаю дальше «наезжать». – Не будешь исполнять, лишишься должности. Понятно?

Так как все знали, что у меня фамилия Мальцев, а по отчеству-то я Иванович, но не знали степень родства, а распоряжался я лихо, многие мои указания нижними чинами исполнялись тщательно. Так, на всякий случай. Новак же о степени моего родства почему-то молчал, ну а я тем более.

К сожалению, много мыла производить мы не могли, не было жира и большого котла. Пару раз охотники ещё приносили кабана и пару барсуков, этим всё и закончилось. Да и разгар лета, откуда у животных много жира? Закупить масло Шулер отказался, сославшись на нехватку денег и прямого распоряжения от Мальцева. А мне уже банально надоело постоянно им что-то объяснять и доказывать. Да ещё и ненароком и не обидеть. Мне тут что, больше всех надо?

Разнообразие внёс помещик из Шатуры, отставной капитан Беспалов, похожий на моржа своими большими бакенбардами. Ветеран русско-турецкой войны 1828-1829 на Кавказе. Прослышав про мыло, приехал прикупить, да и скучно ему. Оказывается, он с мылом сталкивался ещё у сирийских турок и признал его очень полезным. Капитан оказался много повидавшим и воевавшим человеком. Мало того, увидев колонну с углем, и тоже такую захотел. Его сильно опечалила цена в двадцать рублей. Ничего себе. Я и не знал что так дорого! А во Владимире все тридцать. А в столице полтинник минимум. Хотя если хороший самовар в Туле стоит двадцать пять-тридцать рублей, то почему бы и нет. Все промышленные товары, особенно что-то новое, блестящее и красивое, стоило огромных денег. Знать от них просто дурела и хвасталась друг перед другом разным дефицитом.

Небольшое имение, что досталось Беспалову по наследству, доходом похвастаться не могло. И, как я понял, заниматься крестьянским трудом ему ещё и претит.

– Мало того, что свирепствует холера, так ещё и урожая в этом году не будет. Ожидается очень голодный год, а царь-батюшка, уже подушные налоги поднимает, девяносто восемь копеек серебром стало – жалуется нам Беспалов. Слушаем за ужином его дальнейшие рассуждения.

Он уже подумывает вернуться в армию. Но войны пока нет. Для строевой службы он уже староват. Пожаловался нам на жизнь Беспалов. Договорились, что он будет поставлять жир животных, а на обмен, получать мыло. Что уж он с ним собирается делать, мы так и не узнали. А ещё у нас в двадцать первом веке говорили, что дворянам торговать претит. Не знаю, может князьям и графам и претит, а мелкие дворяне, не прочь и заработать, особенно когда их припечёт...очень.

Глава 4

В селение втянулся караван карет и конных всадников со стороны Москвы. Все тут же забежали как наскипидаренные. Благодетель приехал, сам Иван Акимович со своей свитой. Сразу стало тесно и сутолочно. Мальцев был явно не в духе. Шулер получил нахлобучку за медленно работающий кирпичный заводик.

Филатов, за неперестроенную до конца печь, дошла и до меня очередь.

– Это что за деревянные рельсы вы, Дмитрий Иванович уложили? А это что за сооружения? – строгим голосом Мальцев и ткнув в поддоны. Мы инспектируем мою непонятную для многих стройку, а он всё так же одет «с иголочки». – А вот эта башня для чего, а куча шестерёнок с кожаными ремнями зачем?

– Это сейчас высота стен по пояс, и легко подавать кирпичи и раствор. А потом возникнут проблемы. Вот я заранее кран и строю, для выполнения высотных работ – отвечаю. Да какой там кран, передвижная тележка с усовершенствованным «журавлем». – Это поддоны, на которые укладывают кирпичи на заводе. – Отвечаю дальше на кучу вопросов.

– Кузнецы куют для вас. Каменщики работают на вас, плотников вы тоже загрузили работой. Охрана, тоже вам в рот смотрит, а рабочих рук не хватает. Вы даже ювелира смогли заставить работать. И вы предлагаете ещё и больницу перенести, а скоро зима. Разве так можно, Дмитрий Иванович?

Кто-то явно наябедничал, и я даже догадываюсь кто. А ювелир, ну подумаешь, медный бритвенный станок со снимающимся лезвием сделал. Делов-то для него, раз плюнуть...и причём за мой счет.

– А нельзя ли мастеров с других мест прислать или купить? – осторожно интересуюсь.

– Можно. Вот только кормить и налоги за них платить нечем – зло отвечает Мальцев.

– Ну-у, мне потом тоже будут нужны мастера. Можете их оформить на меня – спокойно-нейтральным голосом отвечаю. Не хватает мне только с Иваном Акимовичем поспориться.

– Да-а...а то, что их с семьями оформлять надо, это как? На каждого мастера, жена и три-четыре ребёнка или вы не знаете, что по новому указу семьи разлучать нельзя? – всё ещё злится Мальцев и не выделяет «вы» как тут принято с дворянами.

Да откуда я такие тонкости знаю? Да для меня вообще многое в этом времени открытием оказывается. Я-то и феодалом быть не планировал, а придётся. На самом деле это не так и просто, как кажется.

– А какие-нибудь... семьи... поменьше нельзя? – спрашиваю осторожно. – Здесь, на новый цех ведь тоже мастера нужны будут – растеряно отвечаю.

Видя мою растерянность и неуверенность, Мальцев, довольный этим, усмехнулся. Видать, мой слишком уверенный вид, раньше ему очень не нравился, а тут утёр нос молокососу.

– Пиши, что ещё придумал, а я подумаю – усмехнулся он. – И кормить будешь тоже.

Нет, всё же не зря, его называли одним из умнейших людей державы. Всё просчитал и быстро, и не хуже компьютера. Через два дня забрав мои записи, все фильтры-колонны, активированный уголь, плюс всё мыло, со словами: «вы ещё себе сделаете», Мальцев с колонной карет, конных и крестьянских телег поехал в Дятьково под Брянск в его главную усадьбу.

– Я знаю, что вы тратили свои деньги. Возьмите у Новака дополнительно сто рублей, я распорядился – при расставании обрадовал мне Мальцев.

Вот же хрен его поймешь. С одной стороны, отругал, с другой наградил. Всё же сто рублей очень большие деньги по этим временам.

На радостях я тут же побежал и заказал себе новую фильтровальную колонну, за счёт экспроприированных самоваров. Но с небольшими изменениями и медным краником, за который пришлось платить из своего кармана, чтобы вплавил. Заказал рыбацкие сети, соли, дубовые бочки и многое, многое другое. Мне так проще, чем согласовывать всё с Новаком и Шулером, доказывая необходимость каждой мелочи. Как-то вот слова Мальцева «и кормить тоже» мне очень и очень не понравились. Вот чувствую, готовит он мне какую-то подлянку.

Попытался напрямь оставшихся плотников для постройки лодки и получил полный отлуп. Не хватает инструментов и строительных досок. Почесал макушку. Матюгнулся. Пошёл вспоминать и рисовать, какие мне будут нужны

инструменты, а заодно и материалы. Закажу всё во Владимире сам, мне же и останется. Хорошо бы и самому туда съездить, но откровенно боюсь. Кончилось тем, что всего осталось восемьдесят рублей в кармане. Да что за ерунда, опять я без денег. И это при том, что ни за еду, ни за жилье я не плачу. Тут зарплаты восемь-двенадцать рублей в месяц, а у меня сотни улетают. Только теперь я понял, почему Мальцев мою зарплату в двести рублей не сильно и опротестовывал. Он просчитал мой характер, и, что мне будет проще заказывать за наличный расчёт, чем ругаться с Новаком за каждую копейку. Правда, приставил и двух соглядев, но я не в обиде. А Фёдору даже рад, он мне много помогал и впитывает всё, как губка.

Мысль перенести больницу, я не оставил по двум причинам. Эпидемии тут постоянно, а в Гусь-Мальцевском приезжих практически и нет. Может ещё придётся тут и прятаться. А ещё мне надо отработать технологию для строительства своего дома. Практика показала, что местный дьявол кроется в местных же мелочах. И так просто тут даже самую простую вещь не сделаешь. Будем надеяться на вторые две сотни, которые я должен получить на днях.

С поставками продуктов из Владимира приехало около 100 человек. Доверенные лица Мальцева их банально купили и теперь они стали крепостными Мальцева, чему были рады. Официально это было запрещено, но такие олигархи, как Мальцев, на это плевали и находили лазейки. Сами же крестьяне и бежали от других к лучшим владельцам. Вот и подделывали документы за взятки, само собой. Слух о хорошей жизни в Гусь-Мальцевский, давно распространился по окрестным губерниям. Брали и разорившихся мастеров, вот как сейчас.

- Вы просили людей, Дмитрий Иванович, вот и займитесь - обрадовал меня Шулер. Вот нефигась, формулировка - займитесь. Это же такое большое количество, плюс женщины, плюс дети.

Делать нечего, думать мне надо было раньше. Сначала всех в карантин. Благо там уже стояли навесы, а на ночь опускались матерчатые стенки из нанки. На такое количество проживающих людей, они рассчитаны не были. Поэтому заставил, строить еще один большой навес. Каменщиков заставил делать из камней простые печи-очаги как тут у всех, а мальчиков собирать камни на берегу и в окрестностях. Нашли для части женщин женскую работу рядом, а часть женщин с девчонками отправили собирать травы и ягоды. Плотников, дав свой инструмент, заставил сколотить простую мебель. Сумел озадачить всех. Шулер, приехавший полюбопытствовать, только головой покрутил, от моих

решений и команд. Но предупредил, что мол, это конечно хорошо, но их кормить задарма никто не будет.

Волевым решением в столярной мастерской, используя часть моего закупленного инструмента и материала, заставил делать лодку, а вернее катамаран. Причём изменил верхние части лодок, чуть приподнял и сделал их плоскими. После на спуск явились все, кто мог. Как же такое событие, а я специально сделал это в воскресенье. Лодки были и в Гусь-Мальцевском и даже барки, которые возили товар, но вот такого катамарана, точно не было.

Рыбу тоже ловили, но не так «современно». Пришлось и тут делать «революцию», а заодно вспомнил про коптильни. Одно тянуло за собой другое. Через некоторое время мне опять стало не хватать мастеров. Нет, людей-то более или менее хватало, но вот их приходилось обучать всему, даже счёту, как детей палочками. Бывало и до курьезов доходило, да таких, что то ли плакать, то ли смеяться.

– Ну что вы голубчик. Право так нельзя – выговаривал мне за ужином Шулер. Но к вечеру я так уставал, что почти не реагировал на его слова.

Сильно строительство тормозило производство обычного и огнеупорного кирпича, для флоат-ванны. Его всё так же не хватало. Пришлось «ломать голову» как увеличить производство, а тут ещё бумага за подписью Мальцева, наладить производство мыла и три подводки с чугунными котлами и другими моими и не только заявками.

В общем, опомнился я через месяц. Надо было устанавливать оборудование в готовом цеху для выпуска стекла. Печь Филатов уже перестроил. От неё шел длинный и узкий желоб, сначала из огнеупорного кирпича, потом из рельсового чугуна с ребрами, в другом желобе с циркулирующей водой для охлаждения, потом к стене, в которой была щель. Всё это под наклоном. Ох и ругался Филатов, когда печь пришлось переделывать несколько раз, а загружать компоненты стало неудобно.

– Когда поставите паровую машину, многое тогда механизируете плюс, поставите дополнительное охлаждение – ответил я ему.

Дальше расплавленный материал поступал под наклоном в закрытую флоат-ванну с расплавленным оловом, валиками по краям на цепной тяге и печками. Вращение валиков осуществлял медленно опускающийся груз с шахты, посредством цепных передач, которые тоже нужно совершенствовать. На всякий случай оставалась возможность ручного привода. От кожаных ремней пришлось отказаться и переделывать конструкцию. Получилась сужающаяся железно-кирпичная флоат-ванна. Эта ванна испортила мне много крови. Теоретически я знал, как она устроена. А вот с практикой пришлось помучиться. Дальше опять под наклоном по валикам к другой стене, в которой тоже была щель и дальше валики под небольшим наклоном. Концы валиков тоже пришлось поместить в воду для охлаждения. В конце эстакада чуть искривлена, по ней пока бегал мальчишка-помощник с резцом и отрезал стекло. Не сразу, но мы добились приемлемого результата. Сначала стекло вообще получалось слишком хрупким и с большими дефектами. В приемлемых результатах была не только моя заслуга, но и мастеров-стеклодувов, дававших много полезных советов. Особенно по температуре и охлаждению стеклянной массы. Только вот толщина стекла у нас получалась в каждой партии разная от двух до четырех с лишним миллиметров. Но большего мы достигнуть не сумели, и я плюнул на это дело. Чтобы добиться постоянной толщины нужно многое перестраивать по-другому – пусть вручную сами и сортируют по партиям. Выпускали-то очень мало, мизер, скорее это был небольшой цех, чем завод.

К сохранению тайны мы подошли очень основательно даже в Гусь-Мальцеве. В комнату с флоат-ванной поставили кованую железную дверь с замками и запорами. Туда мог попасть только определенный круг людей. Плюс сделали «современный» пост охраны с будкой и биллом.

Стекло получилось не такое хорошее, как я бы хотел. Немного мутноватое и с разными разводами, и почему-то с зеленоватым оттенком. Были и другие дефекты. Не такое как в моей реальности. Но для этого времени и это очень и очень хорошо. По большому счёту, всё производство было, что называется «на соплях», но пусть уже сами всё доводят до совершенства. Разделяют печи для плавки, регулируют температуру и другие тонкости. Пожадничали, а я это им сразу предлагал.

Ура! Свобода! Ждем Мальцева.

Вторая половина августа. Жара только чуть спала, и ночи стали более прохладными. Вот никогда бы не подумал, что тут такое возможно. В цеху и так

жарко было, а сейчас вообще невозможно. Зато я отвел воду и сделал рабочим душевые, пока начальство не разобралось, что я там такое строю, и не обнаружило расход материалов.

- Поздравляю! Вы просто молодец Дмитрий Иванович – не скупился на похвалы Иван Акимович во время застолья по поводу его приезда и пуска цеха.

А на следующий день, когда он осматривал мой катамаран, получаю предложение мной прогнозируемое.

- А оставайтесь у меня работать. Оклад я вам положу больше чем генералу – в пятьсот рублей в месяц плюс полный пансион – сказал Мальцев.

Ого, очень щедрое предложение, даже очень. Как бы ответить и не обидеть.

- Понимаете, Иван Акимович, я всегда хотел свою мастерскую. Давайте лучше я вас в гости приглашу, как только устроюсь – пытаюсь ответить «сладким голосом», чтобы не обидеть хорошего человека.

- Хорошо – чуть помедлив – получишь ты свои деньги и бумаги. Но ты уж старика не забывай, «родственничек» – хитро так улыбается. – Они в Москве, я пошлю за ними, да и закончи тут все начатые дела.

Потом подумал и продолжил.

- Передай от меня поклон Добрынину, он поможет устроиться – усмехается Мальцев.

- Как только устроюсь, сразу вас в гости и позову. Надеюсь, приедете? А нельзя ли Фёдора временно использовать? До конца года и пару мастеров по камню? – ну а что делать. Без них мне не обойтись.

- Что, понравился? – усмехнулся Мальцев.

Я киваю головой.

- Можно – ответил Мальцев и уехал в Санкт-Петербург.

Вместе с разрешающими бумагами на производство холодного и ручного огнестрельного оружия я получил и бумаги, согласно которых я становлюсь помещиком в селе Медведки Тульского уезда, за три тысячи рублей, купленном у помещика Кологривова. Для этого мне надо только зарегистрироваться в Туле у Добрынина, и можно вступать в права.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Рыболовные крючки были известны с давних времён. Но в это время они были размером в палец. На них можно было ловить только крупную рыбу. А бородки, вообще часто отсутствовали.

Купить: https://tellnovel.com/ru/moskalenko_yuriy/dvoryanin-kniga_1-chast-1

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)